

УДК 1 (091)

АРИСТОТЕЛЬ О ДЕЙСТВИЯХ И ИХ ПРИЧИНАХ¹**А. А. Санжеников**

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. Статья призвана ответить на вопрос о правомерности отнесения теории действия Аристотеля к разряду стандартного каузализма по типу теории действия Д. Дэвидсона. Как полагает Дэвидсон, Аристотель мог бы согласиться с базовыми тезисами стандартной теории действия о том, что психологические установки агента (желания и верования) выступают как основаниями для действий, так и причинами таковых. Однако анализ текстов Аристотеля и обзор историко-философских интерпретаций показали, что между подходами Аристотеля и Дэвидсона существуют серьезные концептуальные различия. Мы продемонстрировали, что аристотелевской теории действия свойственен холизм – стремление дать всестороннее описание действия с помощью четырех причин, поместить его в телеологический контекст функционирования организма в целом, а также вписать его в структуру мироустройства. Все это не свойственно партикуляризму стандартного каузализма, согласно которому не цели играют первоочередную роль, а желания и верования агента, действия же рассматриваются как локальные события. В заключительной части статьи автор высказывает гипотезу, что истинным правопреемником Аристотеля следует считать скорее М. Братмана, разработавшего теорию намерения как планирования.

Ключевые слова: теория действия, стандартный каузализм, Аристотель, основания для действия, намерение, телеология, четыре причины Аристотеля, Дэвидсон.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2022). Аристотель о действиях и их причинах. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 60-69. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.60-69

ARISTOTLE ON ACTIONS AND ITS CAUSES**A. A. Sanzhenakov**

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The article raises the question of the legitimacy of considering Aristotle's theory of action as a standard causalism in the version of D. Davidson's theory of action. Davidson believes that Aristotle could agree with the fundamental assumptions of the standard theory of action that the agent's psychological attitudes (desires and beliefs) are the reasons for actions as well as their causes. However, an analysis of Aristotle's texts and a review of modern commentaries have shown that there are deep conceptual differences between the approaches of Aristotle and Davidson. The article demonstrates that the holism of the Aristotelian theory of action leads to the tendency to give

¹ Замысел этой статьи впервые был представлен в качестве небольшого доклада на симпозиуме "Классическая традиция и современное антиковедение" (13-14 мая 2022, Новосибирский Академгородок), посвященном 15-летию журнала СХОЛН. Автор выражает глубокую благодарность участникам симпозиума за полезное обсуждение и ценные советы, возлагая всю ответственность за недоработки и ошибки на себя.

an exhaustive description of the action with the help of four causes, to place the action in the teleological context of the functioning of a living being, and also to fit it into the structure of the world order as a whole. All these properties have no place in standard causalism, which is characterized by particularism, and according to which it is not the goals that play the primary role, but the desires and beliefs of the agent. In the final part of the article, the author suggests that M. Bratman, who developed a planning theory of intention, should be considered the true successor of Aristotle.

Keywords: theory of action, standard causality, Aristotle, reasons for action, intention, teleology, Aristotle's four causes, Davidson.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2022). Aristotle on Actions and its Causes. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 60-69. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.60-69

Многие современные философы рассматривают Аристотеля в качестве своего предтечи, идейного вдохновителя или потенциального соратника. Дональд Дэвидсон, который возводит генеалогию своей теории действия к Аристотелю, не исключение. В своей известной статье «Действия, причины и основания» [Davidson, 1963] он буквально с первых страниц заявляет, что собирается защищать древнюю точку зрения, согласно которой основания наших действий не только объясняют (рационализируют) действия, но и являются причинами таковых. Эта точка зрения получила название «стандартной теории действия» или же «стандартного каузализма» [Mele, 2009, p. 534] и была господствующей до недавнего времени [D'Oro, Sandis, 2013, p. 21]. Истоки своей позиции Дэвидсон обнаруживает в аристотелевской концепции «желания как причинного фактора», которая подвергается сомнению некоторыми исследователями за свою чрезмерную простоту, а также неоправданно исключительную связь действий с желаниями агента. Выстраивая оборону, Дэвидсон идет на уступки и соглашается, что желание является слишком узким понятием и основания действий должны включать в себя не только его. С этой целью он вводит понятие «pro-attitude» (предрасположенность к действию), куда относит желания, стремления, побуждения, разнообразные моральные убеждения, эстетические принципы, экономические предубеждения, социальные условности [Davidson, 1963, p. 686]. Эта предрасположенность к действию корреспондируется верованием относительно того, что тот или иной образ действий соответствует желательному. Дэвидсон полагал, что расширение и перегруппировка теоретических положений не меняют сути аристотелевской теории, но лишь усиливают ее.

В данной статье мы постараемся ответить на вопрос, действительно ли теорию действия Аристотеля следует расценивать как каузальный подход (в версии Дэвидсона) к проблеме соотношения оснований и действий. Сначала мы представим реконструкцию взглядов Аристотеля на действия живых существ, затем обратимся к интерпретациям современных исследователей, а в конце предложим свое видение этой проблемы. Наша гипотеза базируется на том факте, что представления о причинности в античной философии были иными, нежели в наши дни², поэтому Дэвидсон неправомерно привлекает

² Как отмечает А. Мармодоро, «наша концепция причинности изменилась в XVII веке, когда экспериментальная философия и атоанизм начали завоевывать себе место в мире философии и науки. В отличие от нас, древние выделяли больше типов причин, чем действующая причина. Следовательно, эти дополнительные типы, которые древние включали в свои описания причинности, нами не считаются причинами» [Marmodoro, 2013, p. 222].

Аристотеля на свою сторону. Также нам кажется очевидным, что психология действия, используемая современным философами действия, разительно отличается от античных представлений о внутреннем мире человека. Наконец, холизм Аристотеля – его действующий субъект вписан в единую физическую картину мира, которая пронизана общими принципами – не имеет ничего общего с партикуляризмом модели Дэвидсона. Иначе говоря, для Аристотеля телеологический принцип работает не только применительно к разумным существам, но и во многом уместен при объяснении процессов неживой природы, что, безусловно, крайне странно с точки зрения современной философии действия. Обозначенные несоответствия наряду с внешним сходством могут вызвать недопонимание. В этой статье мы намерены показать, что подобное недопонимание привело к тому, что в современной теории действия взгляды Аристотеля ошибочно интерпретируются как стандартный каузализм.

Аристотель о самодвижении живых существ

Проблема человеческих действий в философии Аристотеля помещена в более широкий вопрос о причинах самодвижения живых существ в целом. В трактате «О движении животных» (*De Motu Animalium*, далее – *МА*), ссылаясь на 8-ю книгу «Физики» (*Physica*, далее – *Ph.*), Аристотель постулирует, что началом всякого движения должно быть что-то неподвижное и способное двигать себя само³. Этот принцип, как полагает Аристотель, сохраняется на всех уровнях мироздания. К примеру, человек не может сдвинуть лодку, находясь в ней без особых приспособлений, но, если он выйдет на берег и начнет толкать лодку, опираясь на неподвижную точку опоры (берег или более крупный плавучий объект), тогда лодка начнет движение. Это касается как целого, так и его частей: когда один из членов живого существа движется, сочлененный с ним должен оставаться неподвижным, давая точку опоры⁴.

Отличие неживой природы от живой заключается в том, что «неодушевленными вещами всегда движет что-то иное, и началом вещей, приобретающих такое движение, всегда являются вещи, движущие сами себя» (*МА* 700a15–16) [Аристотель, 2016, с. 743]. Иначе говоря, неживая природа способна к движению только за счет живой природы, не считая тех случаев, когда два тела сталкиваются (например, бильярдный шар начинает движение, когда с ним сталкивается другой шар, сдвинутый с места в свою очередь игроком). Самой сложной проблемой, с точки зрения Аристотеля, является проблема поиска причин движения живых существ. «Больше всего затруднений, как кажется, доставляет третий вопрос – о возникновении [в теле] движения, которого [в нем] раньше не было, что имеет место у одушевленных [существ], так как покоившееся раньше начинает после этого идти, в то время как извне ничто, по-видимому, не привело его в движение» (*Ph.* 253a7–11) [Аристотель, 1981, с. 226-227]. Хотя причины

³ «Обсуждая, существует ли вечное движение и если да, то каково оно, мы уже выяснили, что началом других движений является то, что движет себя само, и что его начало неподвижно, и что первый двигатель необходимо должен быть неподвижным» (*МА* 698a7–10) [Аристотель, 2016, с. 738].

⁴ «Так, локоть остается неподвижным, когда движется предплечье, а плечо – когда движется вся рука; колено остается неподвижным, когда движется бедро, а бедро – когда вся нога» (*МА* 698b2–4) [Там же, с. 739].

движения животного не даны нам со всей очевидностью, Аристотель склонен считать, что таковые имеются⁵. Зафиксировав эту проблему в «Физике», Аристотель переходит к ее решению в трактате «О движении животных». Итак, в самом общем виде в философии Аристотеля можно выделить три класса движущихся сущностей: неодушевленные предметы, которые движутся чем-то иным, одушевленные существа, которые имеют начало движения в себе⁶ и первый двигатель, который, будучи неподвижным, выступает источником всех движений⁷.

Аристотель дополняет обозначенный выше постулат о необходимости неподвижного начала движения тезисом о наличии некоего источника движения в самих животных. «Что касается животных, то в этом случае должно существовать не только неподвижное в указанном смысле, но и нечто в них самих, способное перемещать их и обеспечивать их самостоятельное движение» (МА 700a6–8) [Аристотель, 2016, с. 743]. Другая важная характеристика движения животных заключается в пределе (πέρας), который их ограничивает. Обычно таковым является цель – «то, ради чего» (τὸ οὐ ἔνεκα) совершается движение. Но в некоторых случаях пределом служит естественная ограниченность ресурса организма: если хищник преследует жертву, которая слишком быстро от него убегает, то преследование не может продолжаться бесконечно, в итоге хищник устанет и его движение к этой цели прекратится, несмотря на то, что цель так и не была достигнута. Так или иначе, но телеологическая составляющая дискурса в данном случае задает специфику движений живых существ, и именно благодаря введению этого уровня мы можем вести речь уже о действиях, а не просто о движениях. Цель или же предмет стремления, как она еще называется в сочинении «О душе» (*De anima*, далее – DA)⁸, находится вне души деятеля, в душе же присутствует ряд способностей, которые позволяют выделять из всего многообразия предметов окружающего мира те, которым в итоге преддицируется свойство желательности. «Мы видим, что живые существа движимы рассудком (διάνοιαν), воображением (φαντασίαν), намерением (προαίρεσιν), волей (βούλησιν) и желанием (ἐπιθυμίαν), которые сводятся к уму (νοῦν) и стремлению (ὄρεξις)» (МА 700a6–8) [Там же, с. 745]. Таким образом, деятельный ум (ὁ πρακτικός) и стремление выступают высшими родовыми способностями, благодаря которым инициируется совершение пространственного передвижения живых существ. При этом, если животные движутся благодаря ощущению и воображению (или же представлению), то люди помимо этих способностей обладают сознательным выбором (один из распространенных переводов «προαίρεσις») и решением (также один из вариантов перевода для «βούλησις»). Показательно, что понятие «действие» (πρᾶξις) появляется на страницах трактата, когда речь заходит

⁵ М. Нуссбаум во введении к переводу «О движении животных» подтверждает, что Аристотель был весьма оптимистично настроен по отношению к возможностям науки и полагал, что задавать вопрос о причинах движения всегда уместно, и всегда есть надежда на адекватный ответ [Nussbaum, 1986, p. xx].

⁶ См.: «... живое существо, как мы говорим, само себя движет (τὸ δὲ ζῶον αὐτὸ φαίνεται ἑαυτὸ κινεῖν)» (*Ph.* 252b22–23) [Аристотель, 1981, с. 226].

⁷ В данном случае имеется в виду не столько учение о космическом уме, сколько методологический принцип Аристотеля, уже описанный нами выше, заключающийся в том, что любое движение должно происходить с опорой на нечто неподвижное: «... необходимо должно существовать нечто, остающееся неподвижным при всякой внешней перемене» (*Ph.* 258b13) [Аристотель, 1981, с. 241].

⁸ «Движут, видимо, по крайней мере две способности – стремление и ум, если признать воображение своего рода мышлением» (*DA* 433a9–10) [Аристотель, 1976, с. 442].

о небезызвестном практическом силлогизме. Этот род силлогизма вводится Аристотелем, чтобы ответить на вопрос, почему иногда движение по месту происходит, а иногда – нет. Действие возникает как следствие из двух посылок. Вот примеры, которые приводятся в трактате: «... подумав, что всякий человек должен ходить, ты, будучи человеком, тут же пойдешь; напротив, если ты решишь, что в определенном случае ни один человек не должен ходить, ты, сам будучи человеком, тут же остановишься. В обоих этих случаях всякий поступит именно так, если ничто ему не помешает (κωλύη) или не воспрепятствует (ἀναγκάζη). Я должен сделать что-то благое; дом – это благое; я тут же строю дом» (701a13-17) [Там же, с. 746]. Предпосылок для вывода-действия существует две: через благо и через возможность. При этом скорость решения зависит от того, какие способности мы используем. Если участвуют чувственное восприятие, воображение или размышление (τῷ νῶ), то действие происходит тут же. В таком случае вопрошание или рассуждение (ἐρώτησις ἢ νόησις) не требуются. Перечисленные три способности позволяют идентифицировать среди окружающих предметов желаемый, но инициируют эти поиски желание и страсть (ἐπιθυμία ἢ θυμός), с одной стороны, стремление и воля (ὄρεξις ἢ βούλησις), с другой. Очевидно, что первые две способности направлены на удовлетворение базовых потребностей, в то время как стремление и воля связаны с более сложными расчетами и направлены на более сложные предметы. Последним элементом, объединяющим все эти элементы, выступает некая телесная сущность, которая приводит в движение живое существо и обладает для этого «мощью и силой». Аристотель называет эту сущность «врожденным духом (πνεῦμα σὺμφυτον)», помещая ее в сердце.

Таким образом, осмысляя действие живых существ, Аристотель располагает их в более общем контексте проблематики движения. Базовым тезисом является необходимость чего-то неподвижного в качестве начала движения. Самодвижение животных объясняется через целевую причину: одушевленные существа имеют ряд способностей (чувственное восприятие, воображение, ум), которые позволяют животному различать предметы, соответствующие его желаниям и стремлениям. При этом нет полной ясности – то ли стремление конституирует предмет стремления, как мы видим из примера с желанием напиться воды⁹, то ли, напротив, предмет стремления привлекает нас, выступая первопричиной движения¹⁰. В этом месте мы сталкиваемся с главной, как нам кажется, проблемой философии действия Аристотеля: существует ли одна единственная причина самодвижения живых существ, и если да, то какая? Аристотель в равной мере придает значение как стремлению, так и предмету, на который оно направлено. Более того, в трактате «О душе», описывая машинерию самодвижения живых существ, он отмечает, что движущее состоит из двух частей, значение которых, как мы можем предположить, равноценно: «Движение включает в себя тройное: во-первых, движущее, во-вторых, то, чем оно приводит в движение, и, в-третьих, движимое; *движущее* в свою очередь *двояко* (курсив мой – А. С.):

⁹ «Я хочу пить», – говорит мне желание (ἐπιθυμία). «Это питье», – сообщают мне чувственное восприятие, воображение или ум, и я тут же пью. Именно это заставляет (ὀρῶσι) живые существа двигаться и действовать, и стремление – это конечная причина (τῆς ἐσχάτης αἰτίας) их движения; и возникает оно благодаря чувственному восприятию, воображению или мышлению» [Аристотель, 2016, с. 746].

¹⁰ «Движет предмет стремления, и через него движет размышление, так как предмет стремления есть начало для него» (DA 433a18–19) [Аристотель, 1976, с. 443]. «Начало движения, как уже было сказано, – это тот предмет, который мы желаем или, напротив, которого стремимся избежать» (MA 701b33) [Аристотель, 2016, с. 748].

или оно неподвижно, или и движет и движимо; (1) неподвижное же движущее – это подлежащее осуществлению благо; (2) то, что и движет и движимо, – способность стремления (ведь стремящееся движется, поскольку оно стремится, и стремление как деятельность есть некоторого рода движение), а то, что движимо, – живое существо» (DA 433b13–18) [Аристотель, 1976, с. 443-444]. Вместе с тем тексты демонстрируют неравнозначность этих двух составляющих. Например, стремление по Аристотелю, – это конечная или предельная причина (τὰ ἔσχατα αἰτίαι) (MA 701a35), а предмет, который мы желаем, – начало движения (ἀρχή) (MA 701b33). Исходя из этой терминологической особенности, кажется, что предмет стремления все же скорее подходит на роль первопричины пространственного движения. Добавим к этому, что *всякое* (πᾶσα) стремление, по Аристотелю, имеет цель (DA 433a15), в связи с чем мы снова можем предположить, что его роль вторична по отношению к предмету, на который оно направлено. Наконец, остается открытым вопрос о роли пневмы, о которой Аристотель упоминает уже в самом конце трактата. Представляется, что пневма является материальным воплощением стремления¹¹. Для разъяснения этих вопросов обратимся к исследованиям.

Исследования теории действия Аристотеля

Как отмечают современные комментаторы, Аристотель не дает систематического ответа на вопрос о том, что такое действие, но «он говорит достаточно, чтобы предоставить ресурсы для построения ответов от его имени» [Reese, 2019, р. 213]. Обзор состояния исследований по нашей теме предполагает не только поиски современных интерпретаций, но и размещение теории Аристотеля на поле борьбы каузалистов и антикаузалистов. В этой связи показательной является работа У. Куп [Cooper, 2007], в которой она показывает, что теория действия Аристотеля не соответствует в полной мере ни взглядам, отстаиваемым последователями позднего Витгенштейна, ни позиции сторонников стандартного каузализма. В частности, как и каузалисты, Аристотель полагает, что действия вызываются желаниями и верованиями агента, но он вряд ли бы согласился, что действие по перемещению тела тождественно движению тела, поскольку, как полагает У. Куп, действие у Аристотеля является причиной состояния, а не причиной изменения (см. пример с подниманием руки: «my action is a causing of my arm's being up (not of my arm's going up)») [Ibid, р. 112]. Со сторонниками антикаузального подхода (с Дж. Хорнсби, например) Аристотель не согласился бы в том, что действие поднятия руки и изменения, в ходе которых поднимается рука, не тождественны. Уже этот пример говорит о том, что мнение о приверженности Аристотеля стандартной каузальной теории действия сомнительно.

В начале статьи мы упомянули, что Дэвидсон считал основания для действий причинами действий. На языке Аристотеля это значит, что стремление к желаемому предмету выступает причиной действия. Выше мы могли убедиться в значительной роли этой теоретической модели для философии действия Аристотеля. Иначе говоря, преимущественно действующая и целевая причины привлекаются им для объяснения

¹¹ «В соответствии с определением причины движения, стремление (ὄρεξις) есть середина, движущее и само движимое. В одушевленных телах должна найтись телесная сущность (σῶμα), соответствующая этому описанию» (MA 703a4–6) [Аристотель, 2016, с. 750].

действия. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что в объяснении участвуют все четыре причины. Именно на этой точке зрения настаивает Б. С. Рис [Reese, 2019]. Аристотель считает, что «самодвижение животных в целом и человеческое действие в частности следует объяснять в терминах его четырех причин: тела агентов являются материальными причинами, лежащими в основе субстратами их самодвижений. Их активные психологические установки являются формальными причинами, придающими действиям условия их идентичности и обеспечивающими парадигмы для того, чтобы они стали действиями, которыми они являются. Сами агенты, квалифицируемые как самодвижущиеся в деятельности, являются действующими причинами, вызывающими действия. Цели агентов – это конечные причины, те вещи, ради которых совершаются действия» [Ibid, p. 214]. Развенчание мифа о стандартном каузальном подходе Аристотеля здесь осуществляется более радикально, чем в статье У. Куп. Важным обстоятельством, как полагает Б. Рис, является аристотелевское понимание действий живых существ как процесса естественных движений (*κίνησις*). Будучи природным явлением, они должны объясняться через все четыре причины. В этом смысле Аристотель идет вразрез со стандартной теорией действия, поскольку последняя предлагает считать желания агента не только основаниями для действия, но и его причинами, в то время как для Аристотеля желания, будучи производящими причинами, не вызывают сами по себе действия. Желания и решения в данном случае следует рассматривать «как движущие силы в том же смысле, как и искусство строительства: искусство не создает дома, но может быть названо своего рода производящей причиной, потому что оно квалифицирует движения как строительство и тем самым квалифицирует человека как строителя, *per se* производящую причину дома. Точно так же желание не вызывает действия, но может быть названо своего рода производящей причиной, поскольку оно квалифицирует чье-то движение как намеренное самодвижение и тем самым квалифицирует человека как производящую причину действия *per se*» [Ibid, p. 219]. На то, что психологические установки агента играют далеко не решающую роль, указывает также итальянский исследователь Карлос Натали. Согласно его интерпретации, в аристотелевской философии сущностные характеристики действия зависят не от психологических особенностей, а скорее от структурного отношения между действиями и движениями [Natali, 2002]. В подобном ключе развивается мысль М. Нуссбаум, которая в своем эссе начинает реконструкцию теории Аристотеля о самодвижении животных не с интенциональных процессов, а с процессов, которые поддерживают функционирование живого организма (самопитание, в частности), поскольку «все более специализированные способности следует объяснять функционально, как способствующие жизни» [Nussbaum, 1986, p. 77]. Эта методологическая установка влечет за собой в качестве следствия приоритет телеологического объяснения над объяснением через производящую каузальность. Здесь мы снова сталкиваемся с холизмом Аристотеля, но уже не на уровне мироздания, а на уровне отдельного живого организма, который рассматривается как некоторое целое, имеющее свой «логос-состояние» (*the logos-state*). Реализации и сохранению этого целого и служат все способности организма от низших до высших. Поэтому желания и верования являются более слабыми объяснительными конструкциями по сравнению с целями.

Намерение как планирование и теория действия Аристотеля

Два предыдущих раздела показали, что философия действия Аристотеля имеет каузальную направленность. Аристотель склонен считать, что у всех событий имеется причина, при этом некоторые из них могут описываться с помощью всех четырех причин, а некоторые имеют ограниченное описание. Действие живых существ расценивается как специфический вид движения, причины которого находятся в самом субъекте движения. Пара – стремление и предмет, на который оно направлено, образуют каузальную модель, через которую объясняется причина движения. При этом для понимания движения должны привлекаться все четыре причины. Некоторые современные интерпретаторы небезосновательно считают, что главенствующей в объяснении действий живых существ является все же целевая причина. Однако это не отменяет стремление Аристотеля дать всеохватное каузальное объяснение действий. Этот холизм, отмеченный нами выше, приводит к тому, что теория действия Аристотеля формируется на более широком теоретическом поле, нежели стандартный каузальный подход Дэвидсона. Вероятно, это связано с тем, что в современной философии интенциональность действующего субъекта обладает настолько специфицирующим свойством, что не позволяет осмыслить преемственную связь между доинтенциональными и интенциональными движениями агента [См. об этом, например: Anscombe, 2000, p. 28].

Возможно ли обнаружить в современной теории действия концепцию более близкую по духу аристотелевской? Мы полагаем, что да. На эту роль более всего подходит теория Майкла Братмана о людях как планирующих агентах. В своей работе «Намерение, планы и практический разум» [Bratman, 1987] он заявляет, что «наша обыденная концепция намерения неразрывно связана с такими явлениями, как планы и планирование» [Ibid, p. 8]. Братман считает, что мы обладаем способностью строить планы, поскольку у нас есть необходимость удовлетворять две общих потребности (needs): 1) поскольку мы рациональные агенты, у нас есть необходимость в обдумывании своих действий и в рациональном размышлении относительно того, что мы собираемся сделать; 2) для достижения сложных целей мы должны координировать свою настоящую и будущую деятельность [Bratman, 2007, p. 26]. Понимание намерения как долгосрочного планирования идет вразрез с моделью желание-верование Дэвидсона и в то же время более соответствует холизму Аристотеля, для которого субъект действия не ограничивается локальными целями, но имеет целую цепочку целей, восходящих к высшему (конечному) благу. В то же время концепция Братмана не может отвечать полностью тем требованиям, которые Аристотель выдвигает по отношению к адекватной теории действия. В частности сомнительно, что Братман согласился бы на то, что действия агентов встроены в единый миропорядок и каузальность, через которую они объясняются, и не отличаются особым образом от каузальности, которая царит в неживой природе.

Заключение

Мы реконструировали в общих чертах теорию действия Аристотеля и сравнили ее со стандартной теорией действия Д. Дэвидсона. Было показано, что между ними имеются существенные различия. Так, Аристотель придает большее внимание цели действия (предмету стремления), в то время как Дэвидсон – психологическим установкам агента (желаниям и верованиям). Более серьезные разночтения начинаются, когда мы видим, что Аристотель пытается вписать свою теорию действия в общую картину движения, используя для этого свое учение о четырех причинах. Хотя материальная причина играет не столь важную роль, как целевая, мы все же можем с уверенностью сказать, что Дэвидсону такой подход чужд. В итоге мы задались вопросом, какая современная концепция в философии действия более подходит на роль правопреемницы теории действия Аристотеля, и пришли к выводу, что на эту роль скорее подходит теория намерения как планирования, разработанная М. Братманом.

Список литературы / References

- Аристотель. (2016). О движении животных. Пер. Е. В. Афонасина. *ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10. № 2. С. 737-753.
- Aristotle. (2016). On the Movement of Animals. Afonasin, E. V. (transl.). *ΣΧΟΛΗ (Schole). Philosophical Antiquity and Classical Tradition*. Vol. 14. no. 1. pp. 737-753. (In Russ.)
- Аристотель. (1976). О душе. Пер. П. С. Попова, исправ. и допол. М. И. Иткиным. *Сочинения в 4-х томах*. Т. 1. М. Мысль. С. 371-448.
- Aristotle. (1976). On Soul. Popov, P. S., Itkin, M. I. (transl.). *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. pp. 371-448. (In Russ.)
- Аристотель. (1981). Физика. Пер. В. П. Карпова. *Сочинения в 4-х томах*. Т. 3. М. Мысль. С. 58-262.
- Aristotle. (1981). Physics. Karpov, V. P. (transl.). *Works in 4 vol*. Vol. 3. Moscow. pp. 58-262. (In Russ.)
- Anscombe, G. E. M. (2000). *Intention*. Cambridge. Harvard University Press.
- Bratman, M. E. (1987). *Intention, Plans, and Practical Reason*. Cambridge. Harvard University Press.
- Bratman, M. E. (2007). *Structure of Agency*. Oxford University Press.
- Coope, U. (2007). Aristotle on Action. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 81. pp. 109-138.

Davidson, D. (1963). Actions, Reasons, and Causes. *The Journal of Philosophy*. Vol. 60. no. 23. pp. 685-700.

D'Oro, G., Sandis, C. (2013). From Anti-Causalism to Causalism and Back: A Century of the Reasons/Causes Debate. In D'Oro, G., Sandis, C. (eds). *Reasons and Causes. Causalism and Anti-Causalism in the Philosophy of Action*. N.Y. Palgrave Macmillan. pp. 1-47.

Marmodoro, A. (2013). Causation Without Glue: Aristotle on Causal Powers. In Natali, C., Viano, C., Zingano, M. (eds.). *Aitia. Les Quatre Causes d'Aristote. Origins et interprétations*. Louvain. Peeters. pp. 221-246.

Mele, A. (2009). Causation, Action, and Free Will. In Beebe, H., Hitchcock, C., Menzies, N. (eds.). *The Oxford Handbook of Causation*. Oxford. New York. Oxford University Press.

Natali, C. (2002). Actions et mouvements chez Aristote. *Philosophie*. no. 73. pp. 12-35.

Nussbaum, M. C. (1986). *Aristotle's De Motu Animalium*. Princeton. Princeton university press.

Reece, B. C. (2019). Aristotle's Four Causes of Action. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 97. Iss. no. 2. pp. 213-227.

Сведения об авторе / Information about the author

Санженakov Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022

После доработки: 10.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

The paper was submitted: 10.05.2022

Received after reworking: 10.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022